

Объятия юноши обволакивали теплом, жар его тела проникал сквозь тонкую рубашку, передаваясь удивительно интимно.

Неуловимый аромат незрелого лимона кружил вокруг.

Их разделяло столь малое расстояние, что Цзи Аньчэ слышал каждый вдох Гу Ханьчжоу.

Брызги воды от шин промчавшегося автомобиля остались где-то за пределами этого мгновения.

Цзи Аньчэ с удивлением осознал, что главный герой оказался выше него, с более широким костяком, способный полностью окружить его своими руками. Всё это время бледность и хрупкость Гу Ханьчжоу создавали иллюзию его слабости.

Автомобиль пронёсся мимо, оставив промокшего до нитки несчастного главного героя.

— Сяо Чжоу, отпусти меня, — хрипло произнёс Цзи Аньчэ.

Услышав просьбу, Гу Ханьчжоу разомкнул объятия.

В свете уличного фонаря Цзи Аньчэ заметил, как бледное лицо Гу Ханьчжоу всё ещё дышало

тяжело, словно тот не оправился от испуга.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Цзи Аньчэ.

Гу Ханьчжоу покачал головой:

— Всё нормально.

— Этому водителю стоило бы пожертвовать свои ненужные глаза кому-нибудь, кто ими воспользуется с толком, — раздражённо бросил Цзи Аньчэ. — Дай взглянуть на твою спину.

— Правда, всё хорошо, — Гу Ханьчжоу отступил на шаг, напряжённо пытаясь избежать прикосновения.

— Не дёргайся, — Цзи Аньчэ удержал юношу за плечи, разглядывая грязные пятна на белой рубашке.

Чёрная грязная вода стекала по безупречно чистой ткани, вызывая острое раздражение.

— Чёрт, — выругался Цзи Аньчэ, доставая из кармана салфетки и пытаясь оттереть грязь.

Салфетки быстро впитали воду, превратившись в липкий комок. Размокшие кусочки бумаги прилипли к рубашке, оставляя белые хлопья, только усугубляя ситуацию.

Глаза Цзи Аньчэ покраснели от злости.

Гу Ханьчжоу повернул голову, его чёрные глаза казались особенно яркими в янтарном свете фонаря. Он улыбнулся:

— Гэ, не сердись. Когда вернусь домой, просто постираю рубашку.

— Я не сержусь! — процедил Цзи Аньчэ сквозь стиснутые зубы. — В следующий раз, когда случится что-то подобное, беги и не беспокойся обо мне.

— Нет, — Гу Ханьчжоу решительно качнул головой.

Цзи Аньчэ нахмурился:

— Почему нет?

Взгляд Гу Ханьчжоу стал серьёзным:

— У меня крепкое здоровье, немного воды не повредит.

— Гэ, у тебя холодная конституция, — добавил он. — Если промокнешь под холодной водой и поднимется температура, что тогда?

Цзи Аньчэ застыл, поражённый этими словами.

Он не ожидал, что Гу Ханьчжоу запомнит такую мелочь о его слабой конституции.

Он лишь вскользь упомянул об этом однажды, а кто-то действительно принял близко к сердцу.

В груди Цзи Аньчэ поднялось непонятное чувство.

Он прочистил горло:

— Твоя рубашка уже испорчена. Мой дом рядом, зайдём, и ты переоденешься.

— Может, не стоит, — Гу Ханьчжоу неловко теребил край одежды. — Уже поздно, не хочу доставлять хлопот.

— Какие хлопоты! — Цзи Аньчэ решительно схватил главного героя за запястье. — Идём ко мне, хватит ломаться.

— У меня... ещё есть дела сегодня, — Гу Ханьчжоу с глубоким сожалением на лице осторожно добавил: — Гэ, прости, но я не смогу пойти к тебе.

— Раз тебе неудобно, тогда ладно, — увидев осторожную манеру Гу Ханьчжоу, Цзи Аньчэ смягчился. — Не нужно беспокоиться о чужих ожиданиях, главное — твоё собственное

счастье.

— Приглашу тебя к себе в другой раз.

Гу Ханьчжоу опустил голову:

— Хорошо.

Гу Ханьчжоу взял его за руку и тихо сказал:

— Гэ, у тебя руки такие холодные.

— Да, хочешь согреть их? — Цзи Аньчэ, решив подразнить главного героя, намеренно скользнул холодной ладонью за воротник Гу Ханьчжоу, прижимая её к тёплой коже шеи. Он чувствовал, как под горячей кожей бьётся пульс.

Приятное тепло растеклось от кожи к холодным кончикам пальцев, словно согревая даже сердце.

Цзи Аньчэ провёл пальцами по шее Гу Ханьчжоу, слегка пощекотав её. Тот продолжал стоять неподвижно, позволяя ему делать что угодно, без малейшего сопротивления.

— Тебе разве не щекотно? — удивлённо спросил Цзи Аньчэ.

Шея была самым чувствительным местом Цзи Аньчэ, он не позволял никому прикасаться к ней. Если бы кто-то из его прежних друзей осмелился на такое, непременно завязалась бы драка, чтобы выяснить, кто здесь главный.

Ох, у главного героя воистину ангельский характер.

Гу Ханьчжоу сжал губы, в глазах мелькнула лёгкая улыбка:

— Нет, не щекотно.

Взъерошенные волосы падали на лоб главного героя, чистые черты его бледного лица были глубокими, почти аристократическими, с юношеской неловкостью, но уже проступало обещание будущей красоты.

Не удержавшись, Цзи Аньчэ взъерошил чёлку Гу Ханьчжоу.

Главный герой покорно подставил голову, позволяя трепать себя.

«Вот оно, счастье иметь такого послушного младшего брата», — подумал Цзи Аньчэ.

Видя эту покорность, Цзи Аньчэ ощутил, как сердце смягчилось.

Какой же он всё-таки хороший.

Как можно обижать такого славного мальчика?

Внезапно накатившее чувство вины заставило Цзи Аньчэ отдернуть руку.

— Кхм... Мой дом действительно близко, почти пришли.

Гу Ханьчжоу молча стоял, с улыбкой в глазах кивнул:

— Хорошо.

Воздух вокруг затих, слышался только шорох подошв по асфальту, мысли Цзи Аньчэ блуждали без цели.

По своей природе главный герой был добрым и чутким, всегда заботился о чувствах других, помогал старикам перейти дорогу, защищал незнакомых учеников от травли.

Цзи Аньчэ помог ему, и Гу Ханьчжоу этого не забыл. Когда Цзи Аньчэ чихал, Гу Ханьчжоу заботливо протягивал ему одежду, такой внимательный и теплосердечный.

Только что, когда машина обрызгала их, если бы не Гу Ханьчжоу, именно Цзи Аньчэ сейчас был бы весь в грязной воде.

Эти маленькие поступки всплывали перед глазами один за другим, невозможно было не чувствовать благодарность.

Живи Гу Ханьчжоу в нормальном мире, его окружали бы любящие люди. Ведь юноша с блестящими оценками, красивой внешностью, мягким и добрым характером привлекал бы всеобщее восхищение.

Но Гу Ханьчжоу угораздило оказаться в жестокой мелодраме. Бесконечная злоба обступала его, готовая поглотить и искромсать.

Его будущее тонуло в густой тьме.

Нет, он даже не заслуживал тёмного будущего.

В оригинале говорилось:

«Жизнь юноши навсегда остановилась в снежную ночь его восемнадцатилетия».

«Его жизнь оборвалась, не успев начаться».

Сейчас Цзи Аньчэ ещё сильнее утвердился в решимости помочь Гу Ханьчжоу изменить судьбу.

Такой хороший юноша заслуживал прожить спокойную, счастливую жизнь, а не подвергаться бессмысленным мучениям.

Тишину нарушил мягкий голос юноши:

— Гэ, когда ты научишь меня боевым искусствам?

Цзи Аньчэ поднял взгляд и увидел в глазах главного героя проблеск искреннего ожидания.

— Как только найду подходящее время, сразу начнём, — ответил он.

— Хорошо! — воскликнул юноша, чьи слегка влажные чёрные волосы делали его ещё более чистым и послушным.

— Гэ, я пойду домой. До завтра.

Уголки губ Цзи Аньчэ приподнялись в улыбке, он помахал на прощание:

— До завтра.

Вернувшись в тёмное тесное подвальное помещение, Гу Ханьчжоу остановился.

Дом был построен давно, с двумя крошечными окнами, без циркуляции воздуха, душный и сырой.

Обстановка была скудной — лишь простая металлическая кровать и старый диван.

Гу Ханьчжоу снял промокшую рубашку.

Тело юноши покрывали точёные мышцы, он вовсе не был таким хрупким, каким казался.

С момента его перерождения прошло уже три дня.

Гу Ханьчжоу открыл старый ноутбук, лежавший на кровати. На экране отображался сегодняшний биржевой график, синий свет монитора заливал лицо Гу Ханьчжоу, создавая странно мрачное впечатление.

Он проник в компьютерную систему школы, извлекая запись драки Лю Лифэя и Хуан Мао. Внёс несколько интересных изменений.

Затем Гу Ханьчжоу с помощью троянской программы перенаправил видеозапись на компьютер директора школы. При определённых условиях она будет воспроизводиться десять раз подряд, без возможности остановки.

Закончив, Гу Ханьчжоу перевёл взгляд на край кровати. Там лежал прозрачный пластиковый пакет с мазью Юньнань Байяо, купленной Цзи Аньчэ.

Гу Ханьчжоу взял пакет и подошёл к мусорному ведру.

Его пальцы замерли над отверстием.

Через несколько минут он бросил мазь в мусор.

Сосредоточившись, Гу Ханьчжоу решил два комплекта задач по естественным наукам и один по математике.

Прошло около двух часов.

Гу Ханьчжоу снова подошёл к мусорному ведру в углу комнаты.

Ведро было чистым — он только сегодня сменил его.

Помедлив, он наклонился и достал коробку с мазью Юньнань Байяо.

Глядя на неё, Гу Ханьчжоу испытал необычное для себя замешательство.

Касаясь картонной упаковки, он вдруг вспомнил момент их объятий.

Ослепительный свет фар, его правая рука, обнимающая плечи Цзи Аньчэ, худая спина юноши, пальцы, ощущающие сквозь тонкую рубашку чёткие очертания костей.

Лопатки, трепещущие словно крылья бабочки...

Взгляд Гу Ханьчжоу потемнел, в сердце поднялось невыразимое тайное желание.

В итоге многострадальная коробка с мазью Юньнань Байяо была бережно спрятана в самый дальний угол ящика.

От автора:

Гу Ханьчжоу, признайся, ты просто жаждешь тела Детёныша Чэ!

<http://bllate.org/book/13392/1191837>